

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

JOURNALISM AND PR

УДК 070

**«КУРОРТНИК. ЗАМЕТКИ О МОЕМ ЛЕЧЕНИИ В БАДЕНЕ» ГЕРМАНА ГЕССЕ
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ АВТОФИКЦИИ СЕРЖА ДУБРОВСКОГО**

**HERMAN HESSE'S «KURGAST» IN THE CONTEXT OF SERGE DOUBROVSKY'S
THEORY OF «AUTOFICTION»**

**И.А. Бондарь
I.A. Bondar**

Московский политехнический университет, 107045, Россия, Москва, ул. Садовая-Спасская, 6

Moscow Polytechnical University, 6, Sadovaya-Spasskaya Str., Moscow, 107045, Russia

E-mail: jahnek@africamail.com

Аннотация

В статье рассматриваются методы исследования собственного «я» Германа Гессе на примере его автобиографического произведения «Курортник». Для раскрытия своей личности автор, опираясь на труды по психоанализу К.Г. Юнга, воспроизводит процесс индивидуации. Гессе раскрывает три вида своего «я»: внешнее, внутреннее и наблюдающее. Приемы, использованные для раскрытия собственного «я» автора, рассматриваются в контексте разработанной С. Дубровским концепции «автоfikции». Предпринятый анализ методов исследования собственного «я» в «Курортнике» и в концепции «автоfikции» позволяет рассматривать Гессе как предшественника Дубровского.

Abstract

The article deals with methods of research of Hermann Hesse's own "I" on the example of his autobiographical work "Kurgast". For disclosure of his identity the author according to the works of C.G. Jung deals with the process of individuation. Hesse reveals three types of his "I": inner, outer and observing. Techniques used for the disclosure of author's own "I" are also analyzed in the context of S. Doubrovsky's concept "autofiction". Performed analysis of the methods of research of author's own "I" on the pages of "Kurgast" and of the concept "autofiction" allows to consider Hesse as Doubrovsky's predecessor.

Ключевые слова: заметки, Гессе, «Курортник», Юнг, индивидуация, внешнее «я», внутреннее «я», наблюдающее «я», автоfikция, Дубровский.

Key words: notes, Hesse, «Kurgast», Jung, individuation, inner «I», outer «I», observing «I», autofiction, Doubrovsky.

Начиная с XX века художественно-документальная проза постепенно выходит с периферии литературной жизни и начинает играть все более значимую роль. Этому способствует и информационная открытость, и то, что мемуарно-автобиографические жанры изначально наделены огромными трансформационными возможностями: они не имеют определенного персонажного типа, не зависят от сюжетной динамики, не имеют кульминации, развязки. Именно эти свойства привлекают современных писателей, поскольку в условиях начавшегося в XX века и продолжившегося в веке XXI

экспериментирования они становятся не только оптимальной формой для идентификации человека, но и дают возможность большей индивидуализации текста.

Ярким примером такой новой автобиографической прозы является «Курортник. Заметки о моем лечении в Бадене» (1925) Германа Гессе.

С одной стороны, в заметках соблюдены основополагающие для автобиографической прозы принципы референциальности и ретроспективности. По свидетельству самого Гессе, замысел «*Psychologia Balnearia*», версией которой и являются опубликованные в 1925 году заметки, возник у него во время курортного лечения в Бадене, где он и приступил к написанию заметок, которые были закончены в Монтаньоле, куда он вернулся по окончании лечения. «*Psychologia Balnearia*», по словам писателя, «не являлась опусом, целеустремленной попыткой создать художественное произведение, а всего лишь занятием, маленькой ежедневной тренировкой для глаза и руки» [1, с. 171].

В «Курортнике» явно прослеживается авторская установка на изложение реальных фактов и событий, а также на правдивое раскрытие своего «я»: «Нет, моя грусть, чувство пустоты и боль вызваны этими заметками, этой попыткой возможно более правдиво и честно раскрыть крохотный кусочек жизни» [1, с. 201]. Отсюда проистекает свойственная этим текстам рефлексия, направленная на осмысление своих собственных действий, раскрывающая специфику духовного мира человека на основе самопознания.

С другой стороны, в «Курортнике» предметом описания становится не жизненный путь Гессе в целом, а небольшой во временном отношении отрезок жизни, когда писатель находился на лечении в Бадене, то есть весна и осень 1923 года. Основным методом исследования собственного «я» становится самоанализ, навыки которого Гессе получил в 1916 году, посещая сеансы психоанализа у доктора И.Б. Ланга и в 1921 году – К.Г. Юнга, и который позволяет без помощи психоаналитика делать самостоятельно открытия в своем бессознательном.

Метод исследования собственного «я» обуславливают текстовые особенности записок. В них во многом воспроизводится процесс индивидуации, описываемый Юнгом в своих работах. Под индивидуацией последний понимал «путь к личности» или «самореализацию» через самопознание, то есть выявление тех черт и свойств, которые делают каждого отдельного человека уникальным с точки зрения его психологической организации. Индивидуация, таким образом, предполагает достижение конкретным человеком понимания того, каким образом в нем универсальные, свойственные всем человеческие черты образуют неповторимую, только присущую ему комбинацию. Постигание своей, по терминологии Юнга, самости, то есть осознание того, что у человека есть собственные ценности, что он имеет право на собственный образ жизни, не входящий в противоречие с данным ему от рождения «я», позволяет ему отказаться от навязанной ему обществом роли, которую, как оно ожидает, каждый индивидуум, «как можно лучше будет играть» [6]. Избранным методом исследования авторского «я» обуславливается стратегия повествования. Применительно к запискам Гессе имеет смысл говорить о феноменологическом «я», в основе которого находится осознание собственного внутреннего опыта. В «Курортнике» присутствуют три «я» Гессе: внешнее «я» курортника, внутреннее «я» писателя и, наконец, наблюдающее «я» автора записок. Процесс индивидуации начинается для приехавшего на курорт писателя с умения различать, чем человек кажется себе и другим. Эта проблема решается Гессе в «Курортнике» на основании заявленного автором в предисловии принципа антиномии. Курортник Гессе в первый день своего пребывания на курорте хочет, чтобы проходящие лечение на водах в Бадене заметили, как он «был молод и здоров» по сравнению с ними. Он наслаждается ужином, беседует с хозяином за бокалом вина и любит красота баденской ночи. В то время как курортник предается «оргиям наивного самоутверждения» [1, с. 125], писатель иронизирует над его оптимизмом курортника, утешительные заключения которого о состоянии здоровья «зиждутся ... на порочном методе»,

позволяющему ему не замечать «тех больных, кто моложе, прямее, подвижнее и здоровее» [1, с. 125]. Сам писатель, оторванный от деревенской «уединенной жизни, заполненной одной только работой» [1, с. 126], страшится праздной «стадной» гостиничной жизни. В отличие от курортника писатель чувствует себя глубоко больным человеком: страдающим от бессонницы невротиком и психопатом. Совпадение точек зрения врача и писателя об обусловленности любого состояния «психогенными, порожденными душой» факторами, подталкивает последнего к продолжению процесса поиска ответа на вопрос «кто я».

Та жизнь, которую курортник (внешнее «я») ведет в Бадене, входит в противоречие с внутренним «я» писателя. В то время как курортник добросовестно выполняет предписания врача и ведет размеренный образ жизни буржуа, приехавшего подлечиться на воды, писатель не может «безнаказанно отделаться от самого себя в пользу искусственной личности» [6]. На него раздражающе действуют и концерты в курзале, на которые курортники ходят, чтобы убить время до ужина, и любопытствующие у стола для игры в рулетку, и безвкусные безделушки в витринах магазинов, и пошлые открытки в лавках. Вся эта описанная в «Распорядке дня» бездуховная и бесчеловечная проза жизни буржуазного общества, которое не хочет замечать, что «за гигантскими зеркальными стеклами шикарных кафе» лежит «мир жестокой нужды и отчаяния, сумасшествия и самоубийств, страха и ужаса» [1, с. 151], вызывает у писателя скрытую агрессию. Эта скрытая агрессия писателя против устоев жизни буржуазного общества персонифицируется и направляется на конкретный объект. Это человек, живущий в соседнем 64-м номере. Писатель называет его Голландец. Разговоры и смех нескончаемых гостей Голландца, его тяжелые шаги и иные звуки, доносящиеся из соседней комнаты, мешают писателю спать и работать.

Причины своей ненависти к нему он видит в «воинственном самоутверждении своего «я» в противовес окружающему миру» (эгоцентризме) и пытается заставить себя изменить свое отношение к нему (шире к буржуазному обществу), чтобы «почувствовать единство, признать иллюзией разлад между внутренним и внешним, между «я» и миром» [1, с. 162]. Писатель ставит перед собой задачу полюбить ненавистного Голландца, трансформировавшегося в его сознании «в некий мифический персонаж, в идола, демона, злого духа» [1, с. 156]. Он осознает, что победить «демона» можно только на основе религиозного сознания. Однако обращение к заповеди «Возлюби ближнего своего» оказывается бесплодным до того момента, пока писатель не находит опорную точку – образ – для развенчания своих агрессивных чувств с последующим наполнением его позитивным содержанием. Он побеждает свою агрессию по отношению к Голландцу тогда, когда в его сознании рождается образ ребенка – беззащитного маленького мальчика. В аналитической психологии Юнга «ребенок – символ, объединяющий противоположности (Psychologische Typen. [Paragr. 315 ff.]) – медиатор, носитель исцеления, т.е. делатель целого» [7].

Однако кажущая победа над Голландцем в одноименной заметке оборачивается поражением: целостность достигается за счет того, что внешнее «я» (курортник) подавляет внутреннее «я» (писателя). Иными словами, курортник на какое-то время изживает в себе писателя («не тянет ни работать, ни думать, ни даже читать» [1, с. 171]), вследствие чего происходит его «идентификация с социальной ролью» [6]. Курортник входит «во вкус именно самой что ни на есть поверхностной и оглупляющей, пустой и порочной стороны ... праздной курортной жизни» [1, с. 171] и ищет «те самые пошлые, извращенные, идиотски помпезные и бессодержательные развлечения», которые писатель «всегда избегал и ненавидел и за пристрастие к которым постоянно обвинял и презирал буржуа» [1, с. 172].

Это противоречие между образом жизни, который ведет курортник, и не до конца подавленными прежними мыслями и представлениями писателя приводит к тому, что

курортник впадает в уныние. На смену унынию приходит отчаяние. Отчаяние, по мнению Гессе, изложенному им в статье «Немного теологии», является подтверждением того, что индивид готов к индивидуации: «Когда мы, – говорит автор в заметке «Уныние», – покачивая головой, глядим на курортника Гессе и считаем его созревшим для исчезновения, то не следует забывать, что исчезновение, в какое мы можем верить, подразумевает не уничтожение, а лишь метаморфозу» [1, с. 181].

И выздоровление наступает тогда, когда писатель, опираясь на «остатки» прошлого (внутреннего) опыта, вновь обретает способность посмотреть на курортника со стороны. Главным объектом его «наблюдающего я» становится курортник Гессе: «на негнущихся ногах и с недовольным видом спускавшийся по гостиничной лестнице» [1, с. 183]. В то же время и сам писатель становится объектом наблюдения: «этот старый Гессе, это в последнее время несколько отдалившееся и утраченное «я», вдруг снова пожаловал и наблюдал за нами» [1, с. 185].

«Наблюдающее «я» автора заставляет писателя вспомнить, кто он есть на самом деле: «Гессе, который решительно и твердо противопоставлял себя миру» [1, с. 185]. Собственно говоря, в этот момент круг замыкается: два «я» сливаются, и писатель вновь становится тождествен автору, который в еще «Предисловии» заявлял, что «считать свои мысли и чувства «правильными», считать их оправданными – этого удовольствия я не дам себя лишиться, хотя окружающий мир ежечасно пытается убедить меня в обратном» [1, с. 120].

Эти два «я» сливаются с «я» курортника тогда, когда к последнему приходит понимание того, как смешна жизнь буржуа, в том числе и его собственная, на курорте в Бадене, «жизнь без сильных побуждений, принудительно катящаяся по установленным рельсам, безрадостная, лишенная всякой связи с богом и с облаками на небе» [1, с. 186]. Обретение внутреннего равновесия стало возможным тогда, когда автор перестал рассматривать свою болезнь как причину, по которой он вопреки своим желаниям и чувствам был обязан жить по законам баденского курортного общества. В то же время к нему приходит и понимание того, что болезнь никуда не исчезнет, поэтому неразумно пытаться просто ее уничтожить, а необходимо научиться жить с ней в мире. Как нельзя избавиться от болезни, так нельзя и убежать от окружающего автора буржуазного общества.

Таким образом, Генриха Гессе отказывается от романтического бунта против бездуховного буржуазного образа жизни и предлагает вместо этого направить свои усилия на поиск душевной гармонии. Отметим, что эта идея, начиная с романа «Демьян. История юности Эмиля Синклера» (1919) становится центральной в творчестве писателя. Гессе исходит из того, что человек, как и природа, есть единство противоположностей, обретение которого влечет за собой достижение им гармонии. Не отрицая романтическую идею «двоемирия», Гессе предлагает не бежать от современной действительности, не искать идеал вне ее, а выработать для себя определенные правила, которые позволят человеку с ярко выраженной индивидуальностью сохранить душевное равновесие в случае взаимодействия с буржуазным обществом.

В «Курортнике» это правило автор формулирует на основе евангельской исповеди «Возлюби ближнего своего». Согласно авторской трактовке этой исповеди любовь к другому не должна ущемлять и насилловать собственное «я».

Нахождение «равновесия в любви» [1, с. 197] означает, что идея обретения двустороннего, биполярного образа мышления, о необходимости реализации которой заявлял в «Предисловии» еще не курортник (автор) Гессе, выполнена. В главе «Оглядываясь назад» уже не курортник Гессе подводит итоги индивидуации, которую – и здесь автор согласен с К.Г. Юнгом – человек должен проходить не единожды, поскольку с антиномиями как основополагающим принципом бытия он сталкивается на всем протяжении своего жизненного пути: «пригнуть оба полюса жизни друг к другу, записать

на бумаге двухголосность мелодии жизни мне никогда не удастся. И все-таки я буду следовать смутному велению изнутри и снова и снова отваживаться на такие попытки. Это и есть та пружина, что движет мои часы» [1, с. 203].

В 1948 году в одном из «писем по кругу» (письма, не имеющие конкретного адресата, изначально предназначенные для печати) Гессе рассказал о том, что «Курортник» писался для того, чтобы «поделиться со своими читателями» результатами «собственных переживаний и размышлений ... показать этап на пути к личности» [2]. Если принять во внимание также то, что при демонстрации этого пути Гессе использовал приемы психоанализа, то есть все основания рассматривать «Курортника» в контексте разработанной в 70-е гг. XX в. Сержем Дубровским концепции автофикции.

Согласно этой теории в полной мере достоверно в текстуальной форме можно передать только внешние по отношению к бессознательному события своей жизни, в то время как бессознательное не входит в самовосприятие и вследствие этого подлинные мотивации героя остаются скрытыми, делая описание жизни неполным и искаженным. Поэтому для раскрытия бессознательного С. Дубровский предлагал прибегать к психоанализу, при помощи которого, по его мнению, удастся достичь достоверности повествования. Следовательно, в трактовке французским писателем понятия «автофикция» психоанализ становится ключевым приемом.

Таким образом, общими и для Гессе, и для Дубровского являются установка на изложение реальных фактов и событий, на правдивое раскрытие своего «я», а также подходы к раскрытию собственного «я» посредством психоанализа.

Избранная форма исследования собственного «я» также имеет много общего с произведениями, которые позднее подпали под понятие «автофикция».

Прежде всего это стратификация, то есть выявление какой-либо закономерности в массиве данных за счет их разделения. В нашем случае стратификации подвергается психологическое состояние Гессе во время его пребывания на курорте в Бадене. Писателем исследуются истоки конфликта между личностью и социальной средой («Курортник»), его причины («Распорядок дня»), попытка установления взаимодействия личности и социума («Голландец»), духовный кризис вследствие неудовлетворенности попыткой идентификации с социальным окружением («Уныние») и, наконец, его преодоление («Выздоровление»).

В «Курортнике» каждому психологическому состоянию, отражающему определенный этап индивидуации, посвящен отдельный фрагмент. Эти фрагменты Гессе называет «Aufzeichnung», что в переводе с немецкого означает «заметки, записки; мемуары». Переводчик В. Карела, справедливо полагая, что содержание «Курортника» не вписывается в понятие «мемуары» и «записки» как «более сложной и частой формы мемуарной литературы» [4], выбирает слово «заметки».

Отметим, что в настоящее время в литературоведении место и роль заметки в системе литературных жанров не определены. В.В. Малащенко и И.Д. Копцев в статье «Г. Гессе. «Курортник»: жанровая природа и нарративная стратегия» определяют жанровую природу «Курортника» Гессе как «автобиографические заметки, записки, зарисовки, наблюдения писателя с доминантой исповедального начала, пространными авторскими отступлениями на различные темы и практически полным отказом от художественного вымысла». [5, с. 124–125]. «В жанровом отношении, пишут авторы статьи, произведение не поддается однозначной трактовке, так как гармонизирует в своем целом черты эссе, психологической, философской прозы и «трактата» по поэтике» [5, с. 125]. Приведенные рассуждения о жанровой специфике «Курортника», думается, не проясняют ее, а напротив, подчеркивают неопределенность жанровой природы произведения. Трудности с определением жанра заметки, по мнению немецкого литературоведа Елены Топы (Helena Tora), проистекают из того, что становление в XX веке этой новой художественно-документальной формы малой прозы происходило в

тесном взаимодействии с такими жанрами, как дневники, путевые заметки, эссе, афоризмы, фрагмент. Формальные и содержательные признаки заметки и исторически сложившихся литературных жанров во многом схожи, поэтому вопрос о том, является ли заметка самостоятельной формой малой прозы или ее следует рассматривать как «переработку уже устоявшихся жанров с целью расширения их коммуникативных возможностей и дискурсивных параметров текста» [8, s. 305] до сих пор остается открытым. В настоящее время, утверждает автор статьи «Путь заметок в немецкоязычной малой прозе Канетти, Хандке, Шнурре» Елена Топа, существуют два подхода к изучению ее жанровых особенностей. Согласно первой – исходной формой заметки являются афоризмы. В этом случае заметка представляет собой форму афоризма, сливающуюся с другими формами малой прозы. Согласно второй – дневник.

Думается, что эти два подхода не являются взаимоисключающими. Они только свидетельствуют о том, что в настоящее время существует несколько разновидностей автобиографических заметок, в зависимости от того, какая модель выбрана автором для презентации собственного «я». Они отличаются друг от друга не по содержанию, а по некоторым формальным признакам. Так, например, «Заметки» Элиаса Канетти, которые приближаются, по мнению Н.Ф. Зиганшиной, по своему содержанию к литературе «потока сознания», рассматриваются ею как новый, синтетический жанр, занимающий «пограничное положение между эссе и афоризмом» и представляющий собой «синтез документального факта и его художественное осмысление автором» [3, с. 10].

В отличие от них исходной формой заметок Гессе является дневник. Основными признаками этого жанра являются высокая степень достоверности отражения пишущим реальных фактов и событий, синхронность при описании соответствующих событий, центральная пространственно-временная позиция автора.

Само содержание дневника, как и все его основные признаки, подвергаются Гессе переосмыслению.

Следствием сознательного интегрирования психоанализа в творческий процесс стало появление не просто дневника, а «дневника мысли», который психоаналитики советуют вести своим пациентам, в частности, для того, чтобы, описав события, по-новому взглянуть на них, проведя анализ сложных психологических ситуаций.

Сосредоточившись на правдивом описании собственных чувств и переживаний, писатель отнюдь не стремится к абсолютной достоверности в изображении реальных фактов и событий. В 1923 году, когда и возник замысел «Курортника», Гессе дважды побывал в Бадене. В тексте, однако, нет прямых указаний на то, какой из лечебных сезонов описан в записках. Скорее всего, это квинтэссенция впечатлений Гессе, полученных им во время пребывания на курорте весной и осенью 1923 года, во время которых он останавливался в гостинице «Веренахоф». Кстати, в записках она получает название «Святое подворье».

Отсюда отсутствие датировки – формального структурного признака дневникового жанра, и нехарактерная для него соразмерность фрагментов. Если принять во внимание и существующий временной промежуток между событиями и их описанием (первый вариант записок – «Psychologia Balnearia» был опубликован в 1924 году, второй – «Курортник» – в 1925 году), то появляются основания говорить о синхронности при описании событий не как об одном из основных признаков дневника, а как о художественном приеме. Этот прием позволяет при описании будней курортника и его эмоционального состояния использовать настоящее время, что свойственно произведениям писателей, подпадающим под понятие автофикция.

Кроме того, Гессе отказывается от традиционной для дневникового жанра центральной пространственно-временной позиции автора, когда пишущий является одновременно и автором, и повествователем, и героем. В «Курортнике», в котором на первый план выходит реальная личность автора, его взгляд на себя и на мир сквозь

призму его индивидуально-личностных переживаний, Гессе использует прием, характерный для художественной прозы: повествователем в записках выступает не автор, а писатель-курортник. Таким образом, Гессе, находясь в положении наблюдателя, а не участника событий, получает возможность проанализировать свои чувства, оценить свое поведение в определенный, строго очерченный в записках период времени. Такой прием позволяет реализовать одну из главных задач автофикции – возможность посмотреть на себя глазами другого.

Наконец, дневниковые записи могут быть не связаны между собой ни в смысловом, ни во временном, ни в пространственном отношении. В «Курортнике» все события и связанные с ними переживания воплощены в определенном пространстве и актуализированы в определенном времени (лечебный сезон в Бадене), отдельные заметки находятся во взаимодействии друг с другом, образуя единую повествовательную структуру произведения.

Таким образом, формальное соблюдение признаков дневникового жанра является для Гессе способом внешней организации фрагментов (заметок). На эмпирическом уровне они в той или иной степени документальны, поскольку в их основе – события, произошедшие в жизни конкретного человека, а на стадии осмысления эмпирического опыта они подвергаются эстетическому истолкованию. В результате заметки Гессе занимают промежуточное положение между дневником как документом и дневником как литературной формой. Иными словами находятся на стыке документальной и художественной литературы.

Отметим, что С. Дубровский относит к автофикции только те произведения, в которых, несмотря на литературную переработку, сохраняется реальная личность повествователя и достоверный автобиографический материал.

Новыми для литературы первой трети XX в. являются и использованные Гессе в «Курортнике» методы конструирования собственного «я». «Заметки о моем лечении в Бадене» (использование приемов психоанализа, дифференциация авторского «я», поиск новой жанровой формы, отвечающей задачам осмысления своих собственных действий, своего места и роли в современном обществе, и раскрывающей специфику духовного мира человека) позволяют говорить о том, что поиски нового модуса автобиографического письма начались задолго до появления понятия «автофикция». И в этом смысле о Гессе можно говорить как о предшественнике разработанной позднее С. Дубровским концепции автофикции.

Список литературы

References

1. Гессе Г. Курортник / Г. Гессе // Избранное. – М.: Худож. лит., 1977. – С. 119–206.
Gesse G. Kurortnik / G. Gesse // Izbrannoe. – M.: Hudozh. lit., 1977. – S. 119–206.
2. Гессе Г. Вычеркнутое слово / Г. Гессе // Избранное. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=14619> (дата обращения: 07.01.2017).
Gesse G. Vycherknutoe slovo / G. Gesse // Izbrannoe. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=14619> (data obrashcheniya: 07.01.2017).
3. Зиганшина Н.Ф. Своеобразие поэтики «Заметок» Элиаса Канетти: автореф. дис ... канд. филолог. наук: 10.01.03 / Н.Ф. Зиганшина. – Казань, 2011. – 22 с.
Ziganshina N.F. Svoeobrazie poehtiki «Zametok» EHliasa Kanetti: avtoref. dis ... kand. filolog. nauk: 10.01.03 / N.F. Ziganshina. – Kazan', 2011. – 22 s.
4. Кулле Р. Мемуарная литература / Р. Кулле, Н. Бельчиков, В. Дынник // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 7. – М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. энцикл.», 1934. – Стб. 131–149. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le7/le7-1312.htm> (дата обращения: 06.12.2015).
Kulle R. Memuarnaya literatura / R. Kulle, N. Bel'chikov, V. Dynnik // Literaturmaya ehnciklopediya: v 11 t. T. 7. – M.: OGIZ RSFSR, gos. slovarno-ehncikl. izd-vo «Sov. ehncikl.», 1934. –

Stb. 131–149. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le7/le7-1312.htm> (data obrashcheniya: 06.12.2015).

5. Малащенко В.В. Г. Гессе «Курортник»: жанровая природа и нарративная стратегия / В.В. Малащенко, Копцев И.Д. – Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2012. – Вып. 8 – С. 123 – 128.

Malashchenko V.V. G. Gesse «Kurortnik»: zhanrovaya priroda i narrativnaya strategiya / V.V. Malashchenko, Kopcev I.D. – Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta, 2012. – Vyp. 8 – S. 123 – 128.

6. Юнг К.Г. Отношения между «Я» и бессознательным. Очерки по аналитический психологии / К.Г. Юнг. – Мн.: Харвест, 2003. URL: http://www.typeologic.ru/jung/i_and_unconscious/index.html (дата обращения: 06.12.2015).

Yung K.G. Otnosheniya mezhdu «YA» i bessoznatel'nym. Ocherki po analiticheskij psihologii / K.G. YUng. – Mn.: Harvest, 2003. URL: http://www.typeologic.ru/jung/i_and_unconscious/index.html (data obrashcheniya: 06.12.2015).

7. Юнг К.Г. Психология архетипа ребенка // Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации: сб. статей / К.Г. Юнг. URL: <http://psycho.org.ua/txt/jung/j015.htm> (дата обращения: 06.12.2015).

Yung K.G. Psihologiya arhetipa rebenka // YUng K.G. Struktura psihiki i process individuacii: sb. statej / K.G. YUng. URL: <http://psycho.org.ua/txt/jung/j015.htm> (data obrashcheniya: 06.12.2015).

8. Topa H. Wege der Aufzeichnung in der deutschsprachigen Kurzprosa Canetti, Handke und Schnurre / H. Topa // Kleine Prosa: Theorie und Geschichte eines Textfeldes im Literatursystem der Moderne. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2007. – S.303 – 314.